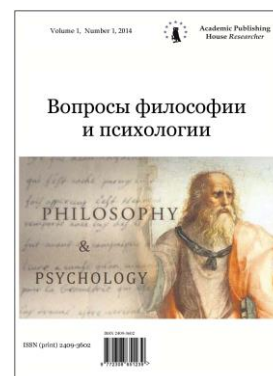

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
ISSN 2409-3602
E-ISSN 2414-0856
2017, 4(1): 4-10

DOI: 10.13187/vfp.2017.1.4
www.ejournal20.com

Articles and Statements

UDC 101.2

Theses about Philosophy and the Russian Philosophy

Fedor I. Girenok ^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

In article distinction ontic and ontologic is analyzed and the conclusion that everything belongs to an order of the real that becomes in itself, without participation of the person is drawn. And everything belongs to an order of life that becomes of own will the person. In the first case the reason lies in things, in the second – in consciousness of the person. Opening of the unconscious dissolved life in real and opened the horizon of understanding of philosophy as anthropology. From the point of view of anthropology, life is an existence of the person at the moment when it is more than himself. In article it is noted that the Russian philosophy initially exists outside ontology, it exists as anthropology. The modern Russian philosophy tries to grope for itself the soil, on the one hand, in vanguard, and on the other hand – in religious philosophy. If all classical European philosophy believed that «I» equal to itself, the Russian philosophy, starting with the P. Florensky, the thought of discrepancy «I» with itself establishes. From this it follows that the world exists not as logical process, and as absurdity. Absurdity, according to the author, it is impossible to state in language, he speaks dumbness, in silence.

Keywords: philosophy, anthropology, ontology, anthropological turn in philosophy, modern Russian philosophy, absurdity, silence, language, life, consciousness

Введение

В статье анализируются две тенденции в философии – метафизическая и антропологическая и делается вывод о том, что философия перестает быть онтологией, наукой о бытии и становится антропологией, отвечая на вопрос: «Что есть человек?». В качестве методологического принципа в статье используется принцип двойной инверсии в философии, согласно которому принцип различия доминирует над принципом тождества.

О тождестве бытия и существования

Греческая философия возникает не в Греции, а на берегах Малой Азии. Она зародилась в головах античных гастарбайтеров. Взгляд со стороны всегда ни в чем не заинтересован. Он по своей сути является эстетическим [1]. Греция – маленькая страна.

* Corresponding author
E-mail addresses: girenok@list.ru (F.I. Girenok)

Она легко просматривается извне. Что отсюда следует? Эстетизм греческой философии, ее метафизический характер. «Мета» – это расстояние, интервал между тем, кто наблюдает, и тем, за кем наблюдают.

К чему стремится греческая философия? К пределу, к наблюдению за наблюдателями. Чем заканчивается такое наблюдение? Убийством философа.

Чем занимается философия? Рассуждениями о существовании. Чем заканчиваются такие рассуждения? Рассуждениями об основаниях рассуждений. В чем состоит проблема философии? В том, что все, что существует, случайно. Все прекрасное в мире тоже случайно. И одновременно все, что существует имеет причину. В существовании необходимости нуждается только мышление.

Конец философии приходит в момент, когда она, не сумев отождествить мышление и бытие, попыталась различить бытие и существование. Почему это ее конец? Потому что быть и существовать – это одно и то же. И философия всегда это знала. А современная философия делает вид, что это не одно и то же. Для того чтобы их отличить, она вводит антропологическую размерность. Хайдеггер назвал ее «дазайн». Это что-то человекоподобное, но не человек. То есть Хайдеггер своим «дазайном» открыл дорогу химерам нечеловеческого и помешал европейской метафизике стать антропологией [2].

Современная философия подвесила бытие и существование на крюк присутствия человека в мире. Что это за крюк? Он состоит в предположении, что мир устроен так, что в нем воспроизводится возможность существования человека. И неважно, существует человек или не существует. В мире всегда найдется применение слова «сам» и «понимание». Всегда можно будет указать на самоорганизацию какой-либо системы и сказать: это не человек, но она соразмерна человеку. Сказать и ошибиться, ибо мы не знаем, что лежит за словом «сам».

Обыватель думает, что к порядку сущего относится все, что делается само по себе, без участия человека. А к порядку бытия относится все то, что делается по доброй воле человека. В первом случае причина лежит в вещах. Во втором – в сознании человека.

Но в 19 веке открыли существование бессознательного. И все, что называлось бытием, растворилось в сущем. Потому что причины сознательного оказались производными от бессознательного. Мы думали, что картезианское «я мыслю, я есть» – это простейшее и самоочевидное положение, а оказалось, что это не так. За ним еще что-то скрывается. Что? Но никто на этот вопрос даже не попытался ответить.

Философия приняла к сведению, что на месте «я» стоит «оно». А это значит, что трансцендентальное единство апперцепции Канта не дает нам никакого единства. А без этого единства все рассыпается. Чувства не связываются с рассудком. «Я думаю» – это лишь слова языка, вербальная мистификация, потому что это не я думаю. В лучшем случае мне думается. То есть какая-то инстанция по каким-то причинам что-то во мне подумала, а я подумал, что это я думаю. Тем самым сознание делает меня дважды глупым. Когда я говорю, что я хочу, я должен остерегаться подвоха со стороны языка. Это язык говорит мне, что «я хочу». А вообще-то во мне желает мое бессознательное. То есть во мне имеет место не бытие, а сущее. «Мне думается» – это мое сущее, которое делает меня таким же сушим, как и все человекоподобные системы, к которым применимо слово «само».

Я думал, что я субъект. Но оказалось, что я не субъект и никогда им не был. Я есть нечто претерпевающее и страдательное. Бессознательное вернуло все на свои места. Оно подтвердило, что бытие и существование – это одно и то же. И нет для человека никакого выбора между бытием и существованием, между самостью и не самостью. Заблуждение думать, что все, что делает самость, – это бытие, а все, что делается без самости, – существование.

Философия Хайдеггера перестала быть онтологией, ибо бытие перестало у него быть существованием и стало «вопрошанием о бытии», то есть языком.

Что такое бытие с точки зрения антропологии? [3] Это существование человека в момент, когда он больше себя. А в какой момент человек больше себя? До недавнего времени полагали, что человек больше себя, когда он думает сам. Но это ошибка. Ибо думать самому – это значит грезить, то есть быть причастным к тому, что не имеет никакого отношения к роботу. Греза, а не слово «сам», скрывается за словами «я мыслю». Если греза не предшествует мысли, то тогда мыслить будет означать одно: оперировать знаками. Что значит оперировать знаками самому? Это значит логично бредить. Следует

заметить, что нельзя грезить логично, нельзя быть причиной мысли. Логика и греза несовместимы. Греза сама показывает себя в нас. Не об этом ли говорит «принцип принципов» Гуссерля. Она приходит к нам не тогда, когда мы хотим, а когда она сама захочет. Точно так же мы должны быть готовы ко встрече с мыслью. Мы не субъектны относительно мысли. Слово «самость» нужно связывать не с грезой, а с языком, не с интуицией, а с логикой. Мысль, которой не предшествует видение, пуста. Пустая мысль совпадает в языке с пустым бытием.

Греза есть бытие, которое совпадает с мыслью о бытии. Бытие совпадает с мыслью о бытии не в момент, когда ты являешься причиной того, что ты делаешь. Ибо быть причиной – значит учреждать свою самость. Оно совпадает с мыслью в момент встречи с видением, когда ты отказываешься от себя. Проблема мышления состоит не в том, чтобы встретиться с бытием, а в том, чтобы не пропустить видение. Когда ты сам, твоим мыслям достаточно языка. И им не нужны грезы. Все, что в языке не от языка, он присваивает себе. Язык присваивает себе мысли. Когда ты причина того, что ты думаешь, тогда мысли в тебе принадлежат тебе, но сам ты принадлежишь языку, а не какой-то до языковой внешней по отношению к тебе инстанции.

Но человек больше себя не тогда, когда он думает, и не тогда, когда он является причиной своего действия. В точном смысле он больше себя за пределами себя [4].

Практики себя не отпускают человека за пределы его самости. Что значит практики себя? Это значит рационализированные мистерии, опустошенное творчество. Выше всего в человеке – это не бытие, не самость, а творчество.

Что такое творчество? Это мистерия. Отказ от самого себя. Когда ты сам, тобой правит ум. Если ты отказываешься от себя, то ты отказываешься и от ума. А когда ты отказываешься от ума, тогда тебе открывает себя божеское. Ибо любое творчество – это мистериальная игра, пляска богов в тебе. А ты лишь свидетель и вдохновленный контрабандист, который может что-то унести с собой со стола мистериального пиршества и показать затем людям.

А что такое сущее? Это существование в момент твоего падения, в момент, когда ты меньше себя. Что значит ты меньше себя? Это значит в тебе самость закрыла от тебя пляски с богами. Они перестали думать в тебе. Вместо них в тебе себя думает что-то другое. Например, язык. А когда в тебе подумало другое, это твое состояние относится к сущему. Вместо того, чтобы отказаться от самости, мы расширяем ее для того, чтобы в нас вместо нас подумала себя природа или социум. Это значит если у тебя есть мысли, но ты не грезишь, и порождающая причина этих мыслей лежит вне тебя, то ты сущее. Сущее – это то, что делается само собой без тебя, но в тебе или рядом с тобой.

Почему же философии пришел конец? Не потому, что человека захватило сущее, а потому, что человек заполнен бытием своей самости. В нем нет былой решимости отказаться от себя, чтобы самозабвенно пуститься в мистериальный пляс творчества. Мы не хотим впускать в себя бога, чтобы вместе с ним творить мир. Человек перестал быть художником. Присутствие бога в нас замещается сегодня жалким «бессознательным» Фрейда. Боги покинули мир, и мир стал скучным. Творчество перестало быть вдохновенным.

Каковы же задачи в момент конца философии? Мыслить существование в связи с тем, что существует самозабвенный человек. Что это значит? Это и значит, что современная философия превращается, вопреки Хайдеггеру, в антропологию.

Русская философия

Что такое русская философия? Русская философия возникает за пределами философии [5]. Она возникает как антропология. Каковы ее пределы? Конечно, это литература и, как я скажу сегодня, еще и живопись. Русская философия – это литература. Кто русский философ? Достоевский, Толстой, Платонов, Кржижановский [6]. Чем они занимаются? Они разгадывают загадку человека. В чем эта загадка? Не в раздвоенности бытия, а в раздвоенности человеческого существования. Что это за раздвоенность? Как говорит один герой Достоевского, почему, когда я один, я не один, а когда нас двое, я один? Кто в русской философии разрешил европейскую проблему существования? Кириллов, который понял, что основания нужны только для мышления, но не для существования. Каждый волен решать, быть ему или не быть. Поэтому человек, решивший

вопрос о существовании, не может не быть богом. Правда ясным это становится только в момент его самоубийства.

Что из себя представляет современная русская философия? Современная русская философия – это философия, которая пытается освободить себя от беспочвенности. Она пытается нащупать для себя почву в русском авангарде и в русской религиозной философии [7, 8]. Зачем? Затем, что только в ситуации антропологической катастрофы может по-настоящему возникнуть вопрос «Что есть человек?». И последним, что в окружении нечеловеческого все еще остается человеческим в человеке, является «территорией аффекта». Это последняя территория человеческого, которую защищает современная русская философия. Эта защита не нуждается в различии бытия и существования, онтологического и онтического. Она выстраивает свои интеллектуальные бастионы из арсенала русской религиозной философии и русского авангарда. Наши союзники, наши орудия главного калибра – это те, кто был больше себя, кто сумел расстаться со своей самостью, кто принял участие в пляске богов: это Малевич, Кандинский, Хармс, Введенский, Белый, Хлебников.

Каковы идеи современной русской философии?

Открытие бессознательного закрыло вопрос о человеке в европейской философии. Русская философия учится понимать, что быть самому не значит быть больше себя. Чтобы быть больше себя надо отказаться от себя. Больше себя мы в мистерии творчества.

Языковое сознание порядком износилось и человеку требуется учиться заново видеть и слышать. Творчество – это наша открытость видениям [9].

Мы думаем не потому, что у нас есть мозги, хотя они у нас есть. У обезьян тоже есть мозг, но они не мыслят. Напротив, наши мозги есть следствие того, что мы мыслим. Мы видим не потому, что у нас есть глаза, и не потому, что есть предметы. Наша телесность не удерживает человеческое. Напротив, у нас есть глаза, потому что мы видим. И, прежде всего, потому что мы видим себя. Изначальны не тела, не глаз, не мозг. Изначальна наша способность видеть. Изначально бытие, тождественное мысли. То есть мы видим, потому что мы галлюцинируем и у нас есть свет сновидений. Когда-то Хайдеггер сказал, что мы видим, благодаря свету. Но он забыл сказать, что дело не в физическом свете. Все дело во внутреннем свете, который пока еще есть у каждого человека. И когда он погаснет, наступит тьма при ярком свете солнца. Греза и есть внутреннее солнце человека [10].

Мы отдаем отчет в том, что смысл никогда не был связан с конечным существованием человека. Существование смыслов гарантирует не устройство мира, не особые умопостигаемые объекты в мире, не размыкания бытия, а устройство человека. Смысл связан с грезой, вернее, с тем, что объединяет грезящих людей: с мистерией. Смысл, это согласованная с бесконечностью, галлюцинация. Чтобы грезить уже нужно быть свободным от нудящей необходимости и полагаться на произвол воображаемого [11].

Философия сегодня находится в жалком состоянии. Почему в жалком? Потому что она очень хочет выглядеть, как наука, не являясь наукой по существу. Философия погрузилась в мир видимостей и кажимостей. Сегодня все, кому не лень, пытаются ее преодолеть. Особенно стараются преодолеть философию ученые. Биологи пытаются преодолеть философию в понимании жизни, нейрофизиологи – в понимании сознания, антропологи – в понимании человека. Даже искусство (Дюшан, Кошут, де Кирико) пытаются преодолеть философию в искусстве. В результате мы видим, как происходит примитивизация мышления, которое ничего больше не находит ни в метафизике, ни в трансцендентализме, ни даже в феноменологии. Наука – это теперь, на мой взгляд, не символ прогресса и творчества, как это было раньше, а символ закосневшего мышления, которое не нашло ничего другого, как вступить в борьбу с философией.

Если говорить об отечественной философии, то нужно признать, что она у нас бывает разной. В ней есть марксисты, феноменологи, экзистенциалисты, приверженцы онтологии нестабильности, поклонники французской философии, немецкой и даже англо-американской, хотя США никогда не были страной, экспортирующей философию. В отечественной философии не присутствует, пожалуй, только русская философия.

Философы не любят друг друга. Я хочу напомнить об известном письме А. Лосева своему другу А.Мейеру, в котором он критически отзывался почти обо всех философах мирового уровня. В свою очередь, о самом Лосеве высказался Флоренский, назвав его

«рефлектором». Что это значит? Это значит, что сам по себе он темен, но какие-то внешние лучи попадают на него, и он их отражает и далее опять стоит темен. Лосев, говорит Флоренский, не светит своими идеями. Однако и о самом Флоренском многие сегодня говорят, как о мыслителе, который нуждается в мыслителе-доноре.

А Иван Ильин, рассуждая о Флоренском и Булгакове, говорил – «помелом их», брандспойтом. За что? За то, что не умели отличить дух от пола, за оправдание гомосексуализма, за духовный гной. Нашлась управа и на Ильина. Многие интеллигенты отшатнулись от него за оправдание фашизма. Тем не менее, в русской философии, на мой взгляд, и сегодня есть первоклассные имена: Б.Поршнева, Ю. Бородай, Г. Щедровицкий, Э. Ильенков, М. Мамардашвили.

Старый Кант говорил, что философия – это наука о внутренних принципах выбора между разными целями. Мне нравится эта мысль о внутреннем. Между тем, современная философия утратила это понимание философии и стала какой-то «нефилософией». В свою очередь, молодой Гегель полагал, что философия – это наука об изнанке мира. То есть это особая наука. И Хайдеггер был с ним согласен. Но и это понимание не удержалось в современной философии.

Время философии прошло, потому что прошло время сознания. Наступило время языка. На место сознания стал интеллект. Интеллекту нужны знания, философу нужны смыслы. Философы давно перестали производить концепты, их объяснения мира никому сегодня не нужны, они не нужны даже студентам и обитателям фейсбука. Нет в мире никакого «всеобщего», которое было бы доступно только философам. Все доступно всем. Философы сегодня слишком рациональны и объективны, они понятны до того, как начнут говорить, им не хватает субъективности и дерзости существования на грани безумия.

Философия не институт. Институты не воображают. В русской философии, начиная с Флоренского, утверждается неинституциональная мысль о самонесовпадении «я». Между тем, вся классическая философия полагала, что «я» тождественно самому себе. На этом тождестве держалось мышление и речь. Но о чем речь? О том, что выразимо в логике. Флоренский же полагал существование мира абсурдным. Абсурд нельзя высказать в языке. Он высказывается немотой, молчанием. Там, где начинается логика, там, конечно же, не существует свобода. Абсолютная свобода человека осуществляется только в мире абсурда. Но об этом мире невозможно никакое знание. Чтобы быть в этом мире, нужна вера и смыслы, которым предшествует работа по преодолению бессмыслицы. На мой взгляд, эта мысль Флоренского является сегодня парадигмальной для русских философов-одиночек.

Во введении к «Логике» Кант отделяет школьную философию от мировой. Школьная философия – институциональна. Она полна пустых смыслов и предрассудков. В ней история философии в конце концов убивает философию. В институтах не мыслят, в институтах учат языку. Мировая философия – это сама философия, то есть путешествие в воображаемое, не согласованное с другими.

В России нет не только философского сообщества, но нет и общества вообще. Общество – это не люди, а вяжущие связи между ними. Общество, которое не дает нам «бытие вместе», это не общество, это стихия рассеянного существования атомизированных множеств. В России философы – атомы. У нас нет ни центра, ни периферии. Во всяком случае, Москва – не центр русской философии и, тем более, не центр философии вообще. Сегодня центра философии нет нигде, даже в Европе, а окружности философские существуют везде.

Для того чтобы была философская школа, нам нужно сначала научиться говорить не от имени Канта и не от имени Маркса и не от имени когнитивных наук, а от своего имени. Но мы – преподаватели, а преподаватели философии, как, впрочем, и научные сотрудники, привыкли говорить на языке Другого. А у тех, кто привык говорить на языке Другого, никакой школы быть не может. На мой взгляд, в каком-то смысле в России можно говорить, например, о школе Владимира Соловьева или даже Флоренского, имея в виду таких его учеников, как С. Булгаков и А. Лосев. Конечно, можно указать еще и на школу Щедровицкого, ибо и у него есть ученики. Вот только появятся ли у учеников Щедровицкого свои ученики?

Философия, вытесненная наукой и религией на периферию общественного сознания, выглядит нелепо и смешно, устраивая как мировые конгрессы, так и региональные. В них

видна претензия на научную основательность, для которой нет ни объективных, ни субъективных причин.

Зачем нам тогда философия? Для чего ее преподавать? Преподавание философии – это слабая попытка научить людей строить вокруг себя ментальный барьер от вербального мусора, от проникновения в наши головы мыслей, которые порождены не нашими головами.

В конце концов, философ понимается не индексом Хирша, а философией.

Литература

1. Гиренок Ф.И. Что такое философия? // Философия хозяйства, №2, 2011. С. 63-67.
2. Гиренок Ф.И. Crisis of Metaphysics // European Journal of Philosophical Research, том 5, № 1, 2016. С. 13-17.
3. Гиренок Ф.И. Антропологический поворот в философии и метаморфозы гуманитарного // Философия хозяйства, № 3, 2016. С. 197-201.
4. Гиренок Ф.И. Что такое человек? // Философия хозяйства, № 5, 2016. С. 165-174.
5. Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы. М.: МГИУ, 2008. 140 с.
6. Ростова Н.Н. Концепт антропологического хаоса в двух философских манифестах России 20 века // Философия хозяйства, 2012, № 4. С. 253-266.
7. Мартынов В.И. Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. М.: МГИУ, 2008. 142 с.
8. Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект, 2017. 432 с.
9. Прощай, речь? Философия фильма Годара и современная концепция человека / Коллективная монография под ред. Ростовской Н.Н. М.: Летний сад, 2015. 120 с.
10. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: Проспект, 2017. 256 с.
11. Философия наивности / Сост. А.С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. 384 с.

References

1. Girenok F.I. Chto takoe filosofiya? // Filosofiya khozyaistva, №2, 2011. S. 63-67.
2. Girenok F.I. Crisis of Metaphysics // European Journal of Philosophical Research, том 5, № 1, 2016. S. 13-17.
3. Girenok F.I. Antropologicheskii povorot v filosofii i metamorfozy gumanitarnogo // Filosofiya khozyaistva, № 3, 2016. S. 197-201.
4. Girenok F.I. Chto takoe chelovek? // Filosofiya khozyaistva, № 5, 2016. S. 165-174.
5. Rostova N.N. Chelovek obratnoi perspektivy. M.: MGIU, 2008. 140 s.
6. Rostova N.N. Kontsept antropologicheskogo khaosa v dvukh filosofskikh manifestakh Rossii 20 veka // Filosofiya khozyaistva, 2012, № 4. S. 253-266.
7. Martynov V.I. Pestrye prut'ya Iakova: Chastnyi vzglyad na kartinu vseobshchego prazdnika zhizni. M.: MGIU, 2008. 142 s.
8. Rostova N.N. Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka. M.: Prospekt, 2017. 432 s.
9. Proshchai, rech'? Filosofiya fil'ma Godara i sovremennaya kontseptsiya cheloveka / Kollektivnaya monografiya pod red. Rostovoi N.N. M.: Letnii sad, 2015. 120 s.
10. Girenok F.I. Autografiya yazyka i soznaniya. M.: Prospekt, 2017. 256 s.
11. Filosofiya naivnosti / Sost. A.S. Migunov. M.: Izd-vo MGU, 2001. 384 s.

УДК 101.2

Тезисы о философии и русской философииФедор Иванович Гиренок ^{а, *}^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется различие онтического и онтологического и делается вывод о том, что к порядку сущего относится все то, что делается само по себе, без участия человека. А к порядку бытия относится все то, что делается по доброй воле человека. В первом случае причина лежит в вещах, во втором – в сознании человека. Открытие бессознательного растворило бытие в сущем и открыло горизонт понимания философии как антропологии. С точки зрения антропологии, бытие – это существование человека в момент, когда он больше себя. В статье отмечается, что русская философия изначально существует за пределами онтологии, она существует как антропология. Современная русская философия пытается нащупать для себя почву, с одной стороны, в авангарде, а с другой стороны – в религиозной философии. Если вся классическая европейская философия полагала, что «я» тождественно самому себе, то русская философия, начиная с П. Флоренского, учреждает мысль о несовпадении «я» с самим собой. Отсюда следует, что мир существует не как логический процесс, а как абсурд. Абсурд, согласно автору, нельзя высказать в языке, он высказывается немотой, в молчании.

Ключевые слова: философия, антропология, онтология, антропологический поворот в философии, современная русская философия, абсурд, молчание, язык, бытие, сознание

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: girenok@list.ru (Ф.И. Гиренок)
